

МАРИЯ МОРАВСКАЯ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ:
ОТ ПОЭЗИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ К ДЕТСКОМУ ГОЛОСУ
В ПОЭЗИИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ
© 2026 г. О.А. Симонова

Аннотация: В статье впервые детально анализируется поэзия Марии Людвиговны Моравской (1889–1947), посвященная войне. Получив известность как детская поэтесса, с началом Первой мировой войны Моравская стала писать для взрослых. Искренний и непосредственный стиль ее стихов и использование «недетских» мотивов (обида, одиночества, тоски) характеризуют обе области ее поэтического творчества. Радостное мироощущение, типичное для поэтики ее детских стихов, становится свойственным и ее взрослой поэзии. Война усилила автобиографический потенциал творчества Моравской: ее обращение к теме Польши объяснялось польским происхождением. Военная тема была эксплицитно выражена через мотивы родины, детства, сиротства, а имплицитно осмыслялась в образе Золушки. Использование маски этого персонажа взрослеющей девочки вызвало отрицательные оценки критиков, указывавших на инфантильность лирического голоса автора. С войной связан дрейф поэтики Моравской от символистской к акмеистической, причем в критической статье поэтесса фиксирует начало нового движения — волнующей поэзии, приметам которой становятся лирика обыденности и лирика войны. В настоящей статье показана эволюция творчества Моравской в 1914–1915 гг., выявлены общие черты ее детской и «взрослой» поэзии, сходство их лирических субъектов и единый тематически-мотивный комплекс. Впервые привлечен материал рецензий на творчество Моравской из женских журналов, не замеченных ранее исследователями.

Ключевые слова: Мария Моравская, Первая мировая война, поэзия для детей, Елена Гуро, образ Золушки.

Информация об авторе: Ольга Алексеевна Симонова — кандидат филологических наук, исследователь, Школа истории, культурологии и искусствоведческих исследований, Университет Турку, Ассистентинкату, д. 7, 20500 г. Турку, Финляндия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4802-7750>

E-mail: osimonova@yandex.ru

Для цитирования: Симонова О.А. Мария Моравская в Первую мировую войну: от поэзии для детей к детскому голосу в поэзии для взрослых //

Неслучайный дар: К юбилею Марии Викторовны Михайловой / отв. ред. В.Б. Зусева-Озкан, Е.В. Кузнецова. М.: ИМЛИ РАН, 2026. С. 215–233. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0838-7-215-233>

MARIA MORAVSKAYA IN WORLD WAR I:
FROM POETRY FOR CHILDREN TO A CHILDLIKE VOICE
IN POETRY FOR ADULTS
© 2026. **Olga A. Simonova**

Abstract: This article provides the first detailed analysis of Maria Moravskaya’s (1889–1947) poetry related to war. Primarily known as a children’s poet, Moravskaya began writing for adults with the outbreak of the World War I. The sincere and spontaneous style of her poems, as well as her use of “non-childlike” motifs such as resentment, loneliness, and longing, characterize both her poetry for children and her poetry for adults. The joyful worldview typical of her children’s verse also becomes a feature of her adult poetic works. The war heightened the autobiographical potential of Moravskaya’s writing: her turn to the theme of Poland can be explained by her Polish origins. The war theme is expressed explicitly through the motifs of homeland, childhood, and orphanhood, and implicitly reflected in the image of Cinderella. The use of the Cinderella mask as a metaphor for a maturing girl drew criticism from reviewers who perceived the poet’s lyrical voice as infantile. The experience of war prompted a shift in Moravskaya’s poetics from Symbolist to Acmeist, and the woman writer in her critical essay marked the emergence of a new poetic trend — emotionally charged poetry, characterized by everyday lyricism and war lyricism. This paper traces the evolution of Moravskaya’s poetry from 1914 to 1915, revealing the common features of her children’s and adult texts, similar lyrical personae, and a common system of themes and motifs. For the first time, material from reviews of Moravskaya’s work from women’s magazines, previously overlooked by scholars, is included.

Keywords: Maria Moravskaya, World War I, poetry for children, Elena Guro, Cinderella.

Information about the author: Olga A. Simonova, PhD in Philology, Researcher, School of History, Culture and Art Studies, University of Turku, Assistentinkatu St., 7, 20500 Turku, Finland.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4802-7750>

E-mail: osimonova@yandex.ru

For citation: Simonova, O.A. “Maria Moravskaya in World War I: From Poetry for Children to a Childlike Voice in Poetry for Adults.” *Not Vain Gift: On the Anniversary of Maria Viktorovna Mikhailova*, ex. eds. V.B. Zuseva-Özkan, E.V. Kuznetsova. Moscow, IWL RAS Publ., 2026, pp. 215–233 (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0838-7-215-233>

К началу Первой мировой войны Мария Людвиговна Моравская (1889–1947) печаталась более чем в 50 журналах, в том числе в модернистском «Аполлоне», но наиболее благосклонно была воспринята как детская поэтесса. Ее стихи выходили в детских журналах «Тропинка» и «Галчонок», а в начале 1914 г. Моравская выпустила сборник стихов для детей «Апельсинные корки», ставший единственной ее детской поэтической книгой. Во время Первой мировой войны поэтесса сосредоточилась на литературе для взрослых. Однако, как заметила литературовед В.Я. Жибуль о поэзии Моравской, «и в детских, и во “взрослых” стихотворениях прослеживается ряд сквозных мотивов, которые и определяют своеобразие ее мировоззрения»¹. Задача данной статьи состоит в том, чтобы показать, как развивался поэтический стиль Моравской под влиянием войны. Как «проживалась» война в поэтическом мире, когда военная цензура свела к минимуму возможные упоминания об ужасах и зверствах? Как Моравская смогла использовать свои навыки детской поэзии в поэзии для взрослых? Что сохранялось из довоенных концептов поэзии Моравской в ее «военных» стихах?

Детская поэзия и детский голос Моравской

Попробуем определить, как сформировался голос Моравской в детской поэзии и как он преобразился в ее взрослой поэзии. Говоря о Моравской, можно утверждать, что речь идет о состоявшемся детском поэте. Литературный критик Борис Эйхенбаум писал о ее творчестве для детей: «Хорошая детская книга — явление очень редкое. Хорошие детские стихи — явление почти исключительное. Стихи М. Моравской, несомненно, принадлежат к таким радостным исключениям. <...> Поэтический талант М. Моравской так значителен, а любовь к детской душе так велика, что ребенок нигде не почувствует сочинительства. Я даже думаю, что

---

¹ Жибуль В.Я. Координаты поэтического мироздания М. Моравской: странствие, одиночество, детство // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. 2004. № 4 (19). С. 106.

многие дети не спросят, кто сочинил эти стихи, — они сами сочинились»². Итак, естественность становится характеристикой детской поэзии Моравской. Особый стиль ее стихов — искренний, чуждый искусственности — был подмечен многими критиками. Подобный стиль и использование «недетских» мотивов будут характерны и для ее последующей «взрослой» поэзии.

Простота стиля, сформировавшаяся в детских стихах, становится визитной карточкой Моравской. Публицистки женских журналов обращали на это особое внимание, отмечая уникальность ее языка и эссенциалистски связывая внимание поэтессы к детям с женственностью. Анна Мар писала: «Моравская искренна. Она естественна до искусственности. Отсюда ее своеобразность. Стихи Моравской узнаешь, словно любимый почерк»³. Критик Софья Заречная отметила: «У М. Моравской свое лицо; ее стихов не спутаешь со стихами другого поэта. В сборнике “На пристани” — своеобразная женская душа, своеобразно выраженная. Во всей книге не найдется строчки шаблонной. Одно из сильнодействующих выразительных средств Моравской — необыкновенная простота»⁴. Сборник «Апельсинные корки» — «это любовное проникновение в психологию ребенка — для меня еще одно доказательство женственности поэзии Моравской»⁵, — писала Заречная.

В сборнике «Апельсинные корки», с одной стороны, создается жизнеутверждающий, радостный взгляд на мир ребенка, которому все в жизни в новинку. С другой стороны, в книге много мотивов, свидетельствующих о травмирующей стороне детства: «самые удачные стихотворения — в отделе “Звери обиженные”, т. е. стихотворения, продиктованные жалостью»⁶. В.Я. Жибуль утверждала, что «и одиночество, и жажда странствий в детских стихотворениях Моравской разведены довольно далеко и лише-

---

² Эйхенбаум Б. Моравская М. Апельсинные корки. Стихи для детей. Рис. С. Чехонина. СПб.: 1914 // Русская мысль. 1914. Кн. 2. С. 60.

³ Мар А. Мария Моравская // Женское дело. 1915. № 18. С. 7.

⁴ Заречная С. Женская поэзия. Стихи М. Моравской // Женское дело. 1915. № 3. С. 15.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ны трагического оттенка, присущего ее “взрослой” поэзии»⁷. По моим наблюдениям, это не совсем так: в детской поэзии появляются мотивы ее взрослой поэзии и подаются в том же эмоциональном ключе. Темы обиды и одиночества являются одними из основных в сборнике и выражают себя, в частности, в заглавии раздела «Звери обиженные». Достаточно перечислить названия стихотворений этого раздела: «Покинутый», «Мокрый щенок», «Больная обезьянка», «Волчья тоска», «Отчего тигр болен», «Черепашьё горе», «Жалоба слона», — чтобы увидеть, какие эмоционально тяжелые темы раскрываются перед читателем-ребенком. Поэтесса фокусирует внимание на переживаниях животного, которое становится лирическим героем — носителем авторского сентиментального мировосприятия. Щенок переживает «осень бесприютную», «тяжкую годинушку», «горькую судьбинушку»⁸. «Долго, жалобно и тихо / Воет старая волчиха»⁹, потерявшая волчонка. В репликах обезьянки и совы переданы холод, тоска, отказ приручаться. Написанное от лица черепахи стихотворение «Черепашьё горе» описывает болезнь, смерть, сиротство, одиночество и бесприютность в старости.

Возможно, мотивы обиды, одиночества, тоски, которыми пронизан сборник, поданы в облегченном, доступном ребенку виде. Но они сохраняют свою трагичность. В воссоздаваемом мире ребенка их серьезность не подвергается сомнению. Моравская использует маску мальчика: «Обижают меня постоянно»¹⁰; «Горько жить мне, очень горько, — / Все ушли, и я один»¹¹; «Грустный вышел я на берег, / Весь невесел свет...»¹²; «Слезы капают в кулак, — / Потерял я свой пятак...»¹³. Для лирического героя-ребенка и читателя-ребенка потери и обиды, не существенные для взрослого восприятия, важны. Подобные «жалостливые» стихи

---

⁷ Жибуль В.Я. Указ. соч. С. 107.

⁸ Моравская М. Апельсинные корки: Стихи для детей. СПб.: Тип. Г. Шумахера и Н. Бругара, 1914. С. 35.

⁹ Там же. С. 38.

¹⁰ Моравская М. Мечты // Моравская М. Апельсинные корки. С. 15.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Моравская М. Стрелок // Моравская М. Апельсинные корки. С. 21.

¹³ Моравская М. На вербе // Моравская М. Апельсинные корки. С. 24.

Илья Эренбург выделял как «любопытные» — «стихи с каким-то детски смешным подходом к жизни, с этой, столь опасной по приторности, жалостью к “обиженным”, с неутраченным ощущением жизненной несправедливости»¹⁴. Но критик воспринимает стихи для детей через перспективу взрослого читателя. Несколько ироническая окраска высказываний лирического героя является таковой именно для взрослого, в то время как книга обращена к ребенку, не считывающему эти полутона. В.Я. Жибуль отмечала: «Можно говорить не только о “копировании” детского мышления как об элементе творческого метода. Здесь реализуется типичная для культуры модернизма концепция игры-жизни: ведь “роли”, принятые на себя маленькими героями М. Моравской, не менее, а, возможно, даже более реальны для них, чем “узаконенная” взрослыми обыденность»¹⁵.

В «Апельсинных корках» звучит жалость к китайским детям, зарабатывающим на жизнь, продавая «бумажки с судьбой»¹⁶. Авторский голос призывает помогать им, покупая у них эти бумажки. Сочувственное внимание обращено на голодное существование детей и важность для них каждого гроша. Поющий китайчонок с косичкой¹⁷ вновь появится в стихотворении Моравской «Юнгх-Кона» в поэтическом сборнике времен войны «Золушка думает» (1915), где мотивы внимания и жалости к детям проявятся еще отчетливее: «Ему, наверно, холодно, хоть на дворе май, / И все кругом враждебно, незнакомо... / <...> Боюсь, его простудит серый май»¹⁸.

Современники фиксировали взаимосвязь детской и взрослой

¹⁴ Эренбург И. Новые поэтессы (Нелли, М. Шагинян, М. Моравская) // Гелиос. 1913. № 1. С. 45–46. Цит. по: Эренбург И.Г. Портреты русских поэтов. СПб.: Наука, 2002. С. 136. (Серия «Литературные памятники»)

¹⁵ Жибуль В.Я. Указ. соч. С. 110.

¹⁶ Моравская М. Китайчата // Моравская М. Апельсинные корки. С. 31.

¹⁷ Не найденный исследователями сборник Моравской, анонсированный в книге «Золушка думает» как вышедший, был посвящен тем же экзотичным героям: «Моравская М. Китаец. Рассказы для детей. Рисунки Н.Н. Герардова. Изд. М.И. Семенова. Цена 1 р.».

¹⁸ Моравская М. Золушка думает: Стихи. Пг.: «Прометей» Н.Н. Михалкова, [1915]. С. 80.

поэзии Моравской, но не всегда в положительном ключе. Георгий Иванов, благосклонно встретивший детские стихи поэтессы, отмечал, что она использует их приемы в сборнике «Стихи о войне» не на пользу последним: «То, что в небольшой дозе было на месте и очаровывало даже в детских ее стихах, непоправимо губит военные. Сентиментальный тон, жеманно невыразительный язык и развинченный стих — суть качества, характерные для стихов поэтессы. <...> На наш вкус, это не трогательно и не жалостливо <...>»¹⁹.

Стиль поэзии Моравской оказывается непосредственно связан с особенностью авторского исполнения. Характерно, что ее реальный голос воспринимался как детский: «Детским голоском как-то наивно читала Моравская сначала исключительно военные стихотворения»²⁰. Детский же голос лирической героини критик И. Гурвич воспринял как жалостливый, т. е. сентиментальный и недостаточно глубокий. Как уже упоминалось, в детских стихах Моравской трагические стороны жизни подавались с точки зрения наивного персонажа, ребенка или зверя, а потому обозначенные переживания также казались критикам неглубокими. О сборнике Моравской «Золушка думает» Гурвич писал: «Поэтесса все видит в мрачном свете, жизнь для нее — сплошные будни, все окружающее — скука и безнадежность. Но поэтесса не возмущается будничностью бытия, не старается бороться с ней, — она только жалуется на нее. А потому слова ее жалостливо просты, не гнетут, а лишь трогают, не щемят, а только будят сочувствие»²¹. Та же констатация оставленности, одиночества, бесприютности, тоски присутствовала в стихотворениях «Апельсиновых корок».

Корней Чуковский объяснил уход Моравской от детской поэзии не востребованностью такого рода интонаций в военное время: «У поэтессы Марии Моравской был тонкий голосок капризной девочки. Она писала неплохие, но жеманные стихи для детей: “Милый моржик, / Хочешь коржик?” Но вдруг ее застигла

---

¹⁹ Иванов Г. Военные стихи // Аполлон. 1915. № 1. С. 58.

²⁰ Русские ведомости. 1915. № 1. Цит. по: Попов В.В. Мария Людвиговна Моравская (Попытка портрета) // Русская литература. 1998. № 3. С. 206.

²¹ Гурвич И. Свободная поэзия. Критическая заметка // Вестник литературы. 1915. № 8. С. 218–219.

война, и моржики стали никому не нужны»²². Так, по Чуковскому, причиной обращения поэтессы к теме войны были потребности книгоиздательского рынка, определившие популярность военной поэзии. На мой взгляд, основная причина обращения Моравской к теме войны была биографической. То, что она очень близко к сердцу восприняла войну, отчасти объяснялось ее польским происхождением. Уже сформировавшееся трагическое мировосприятие лирического субъекта Моравской наложило на комплекс мотивов, связанных с темой войны.

Сборник «Стихи о войне» (1914) и запрещенные антивоенные стихотворения Моравской

Отдельным вопросом является отношение Моравской к войне. Литературоведы оценивают ее как антивоенную поэтессу (В. Попов, Г. Обатнин), но современные ей критики не были столь единодушны. В основном они невысоко оценили поэзию Моравской военных лет. Но они и не знали всех ее (анти)военных стихов, т. к. часть из них была запрещена. Вышедший в 1914 г. сборник Моравской «Стихи о войне» был воспринят настороженно. Ал. Ожигов в журнале «Современный мир» упрекал поэтессу в том, что она войне радуется: «Можно сказать, единственный поэт, которого война привела в самое радостное настроение»²³. Отмеченная Анной Мар предельная простота стиля Моравской, воспринимавшаяся даже как искусственно созданная, в соприкосновении с трагическими темами войны осуждалась Ожиговым: «Институтское мирозерцание выдавало себя в каждой строчке, а потому современники не оценили ее в 1915 году»²⁴. Непосредственный стиль, допустимый в детской поэзии, оказывался неприемлемым во «взрослой» военной поэзии, затрагивающей серьезные темы.

Антон Хмурый анализировал ответ женской поэзии на вой-

---

²² Чуковский К. Чукоккала. М.: Искусство, 1979. С. 86.

²³ Ожигов Ал. На бранной лире (Война и современная поэзия) // Современный мир. 1915. № 2. С. 301.

²⁴ Ожигов Ал. Бусинки поэзии. О Золушке. Лит.-крит. очерк // Журнал журналов. 1915. № 24. С. 11.

ну: «...женская поэзия реагировала <...> относительным “приятием” войны, да и то при исключительных особенностях поэтессы (индивидуалка, оторванная от людей, — это М. Моравская)»²⁵. Критик пытался объяснить особую благодарность войне у поэтессы, совсем не типичную для провоенной поэзии: она «и сердцем, и умом оправдывает войну, но как далеко это оправдание от оправдания ура-патриотических поэтов. В нем нет трескотни пышными словами и берется лишь воплощение благих последствий войны, а не она сама по себе как самодовлеющая сущность»²⁶. Это воплощение «благих» проявлений войны, а также радостный приподнятый стиль многих ее текстов из сборника «Стихи о войне» можно трактовать как заимствованное из детской поэзии настроение, которое в целом было мажорным и жизнеутверждающим: «Превратилась сибирская земля / В радостную добрую страну»²⁷. В стихотворении «Они едут» имитируется былинный повествовательный тон: «Проезжают солдаты запасные, / Полк за полком, за ротою рота. / Приезжали в сердце России, / В Москву златоглавую на смотр, / Ходили, усталые, по городу, / Глядели на памятники гордые»²⁸.

Таким образом, сохранение радостного мироощущения, приятие мира во всех его проявлениях стало стратегией использования Моравской детского стиля во взрослой поэзии. Этот подход характерен прежде всего для сборника «Стихи о войне». В стихотворении «Первые жертвы» читаем: «Хорошо им будет меж нами! / <...> Все им будут родными и близкими. / <...> Здесь не видели радостней встречи. / Как светло улыбается лето, / Как восторженно льются речи!»²⁹ В стихотворении «Теперь» показано детское мировосприятие: лирическая героиня воспринимает мир, как удивляющийся всему новому ребенок³⁰. В «Благодарности войне» делается попытка обнаружить, как война меняет общество в

---

²⁵ Хмурый А. Война и женская поэзия // Мир женщины. 1915. № 15–16. С. 3.

²⁶ Там же. С. 2.

²⁷ Моравская М. Каторжанам Нерчинской тюрьмы // Моравская М. Стихи о войне. Пг.: М.И. Семенов, 1914. С. 5.

²⁸ Там же. С. 4.

²⁹ Там же. С. 11–12.

³⁰ Моравская М. Мы живем в удивительный год // Моравская М. Стихи о войне. С. 14.

позитивном смысле: происходит выход лирической героини из ее всегдашнего одиночества («Стали мы всем роднее, / Стали мы все добрее»³¹).

Мотив одиночества был проявлен и в довоенном детском стихотворении «Апельсинные корки»:

Горько жить мне, очень горько, —
Все ушли, и я один... <...>
Час я плакал — длинный-длинный, —
Не идет уже слеза. <...>
Запасусь опять слезами,
Буду плакать хоть пол-дня, —
Пусть придут, увидят сами,
Как обидели меня³².

Стихотворение «Миллионы родных» военного времени начинается с того же утверждения собственного одиночества будто бы тем же лирическим субъектом: «Никого провожать не пойду / На эту войну. / И тревожных вестей не прочту»³³. Но отличие в том, что сосредоточенность героя-ребенка на себе размыкается в отклике лирической героини на войну: одиночество претворяется в возможность думать о всей стране («И расширилось сердце во мне, / Чтобы думать о всей стране, / Потому что я — одна»³⁴). В этом же стихотворении метафоры плена и одиночества, связанные в творчестве Моравской с любовными отношениями, изолированностью и непониманием, имеют военные аллюзии. Так словам возвращается исконное значение, что свидетельствует о предметности поэзии Моравской, о ее движении от символистской поэтики к акмеистической.

Обыденность и экзотика — два полюса довоенной поэзии Моравской — в военные годы сменяются обыденностью и лирикой войны. Поэтесса теоретически осмысляет лирику обыденности

---

³¹ Там же. С. 16.

³² Моравская М. Апельсинные корки. С. 17.

³³ Моравская М. Стихи о войне. С. 8.

³⁴ Там же.

и лирику войны как приметы волнующей поэзии, нового поэтического движения, не названного ею акмеизма. Начало этого движения Моравская фиксирует в манифесте «Волнующая поэзия» (1915) и, как видим, воплощает в своем творчестве³⁵. Однако здесь проявляется и преемственность ее «взрослой» поэзии по отношению к детской, для которой предметность в принципе является одной из основных характеристик.

Критик В. Евгеньев ставил в заслугу военной поэзии восприятие современной войны как последней, сулящей большие перемены в жизни государства и населяющих его людей (В. Брюсов, М. Моравская, Ф. Сологуб, Дм. Цензор)³⁶: «Освещение идейного смысла войны, с одной стороны, изображение рождаемого ею кошмара, с другой, является, на наш взгляд, единственными темами, с которыми если не вполне, то хоть отчасти справилась современная поэзия. Что же касается бытовой стороны войны, то нарисовать более или менее правдивую ее картину ее представителям оказалось решительно не по плечу»³⁷. Идейным антивоенным высказыванием стал текст Моравской «Последняя война», завершающий сборник «Стихи о войне» и соположенный филологом Обатниным с другими стихотворениями, имеющими схожий посыл³⁸. Так уже в «провоенном» сборнике зазвучали призывы к миру.

Литературовед В.В. Попов, нашедший в архиве вычеркнутые цензором стихотворения Моравской, отметил, что поэтесса «сразу же стала яркой противницей войны»: «Мало кто в русской литературе, если вообще кто-нибудь, писал подобное в 1914 году»³⁹. Одно из стихотворений написано от лица работающей в госпитале сестры милосердия: «Порой хочется кричать от грусти! / Еще одну, еще гранату пустят! / О, как безумно мало здесь любви! / О, как

---

³⁵ Моравская М. Волнующая поэзия // Новый журнал для всех. 1915. № 8. С. 39–41.

³⁶ Евгеньев В. Русская поэзия и война // Жизнь для всех. 1915. № 3. С. 465.

³⁷ Там же. С. 470.

³⁸ Обатнин Г. Три эпизода из предыстории холодной войны // Обатнин Г. «Исправленное и дополненное»: ст. о русской литературе. Хельсинки: Изд-во Ун-та Хельсинки, 2022. С. 147. (Серия “Slavica Helsingiensia”, Vol. 50)

³⁹ Попов В.В. Указ. соч. С. 198.

безумно мало в жизни жалости, / До ужаса, до отчаяния мало!»⁴⁰. Здесь воплотились типичные мотивы поэзии Моравской, о которых Мар писала: «Она болеет жалостью, и жалость для нее синоним любви»⁴¹. В сборнике «Стихи о войне» в стихотворении «Теперь» находим буквальное повторение мотива: «Так героически мы учимся жить, / От страдания все посветлели / <...> И даже простая жалость / Претворяется в подвиг любви!»⁴²

Диалогичность стихов, разговор с читателем проявлялись в «Апельсиновых корках» в рассуждениях лирического героя и вопросах окружающим: «Будет удочка. Узнали?»⁴³ В (анти)военной поэзии Моравской этот прием претворился в раздумья в стихотворении «Быть может...» («Быть может, вон тот казак с челкой, / Такой беззаботно лохматый, / Скоро умрет от шального осколка / Случайной гранаты?»⁴⁴) и прямой возглас, обращенный к читателю: «Сегодня ушло пятьсот человек, / Близких кому-то, поймите!»⁴⁵ В следующих сборниках Моравская осмысляет тему войны с помощью двух других элементов: это обращение к собственному детству и использование маски Золушки — взрослеющей девочки.

Тема войны как возвращение в детство

Родившаяся в Варшаве, полька и католичка, Моравская рано потеряла мать. Темы родины, детства и потери оказываются в ее творчестве взаимосвязанными. В 1915 г. стихи о родине вошли в авторскую книгу «Прекрасная Польша» и в составленный Моравской литературный сборник «Мы помним Польшу». В стихотворениях, посвященных Польше, лирическая героиня возвращается в собственное детство через смутные воспоминания. Тема войны проявляется через воссоздание (или придумывание) родины-матери. Мотивы детства и сиротства становятся основными в опи-

---

⁴⁰ Цит. по: Попов В.В. Указ. соч. С. 198.

⁴¹ Мар А. Указ. соч. С. 8.

⁴² Моравская М. Стихи о войне. С. 13.

⁴³ Моравская М. Рыболов // Моравская М. Апельсиновые корки. С. 9.

⁴⁴ Цит. по: Попов В.В. Указ. соч. С. 198.

⁴⁵ Там же.

сании Польши, а потому тема Польши, где в это время разворачиваются военные действия, — это не уход от «детской» темы, а один из способов работы с ней.

Стихотворения о Польше полны присутствием детей. Из доверенной книги «На пристани» (1914) в сборнике «Прекрасная Польша» было перепечатано стихотворение «Возврат», вошедшее также (без последнего четверостишия) в коллективный сборник «Мы помним Польшу». В стихотворении выражено ощущение возврата в собственное детство («Я веру детскую снова помню»⁴⁶) — ощущение, которое будет тиражироваться Моравской в военные годы. Польша выступает как открытие собственного детства в поэзии. Ностальгия героини обращена к детству и матери, родине и вере: «Давно оторвалась от старой веры / И в сердце давно зажили ранки. / А ныне все ожило, ожило ярко! / Я вспомнила детство, покойную мать... / Я вспомнила Польшу — я буду страдать»⁴⁷. С «польским» сюжетом связаны Рождество как семейный праздник, взаимоотношения матерей и детей (стихотворение «Черный мак» из сборника «Прекрасная Польша»). Типичное для детской поэзии изображение животных оборачивается другой стороной, представленной потерей детей или родителей, как в стихотворении «Сожженные гнезда»: «Сгорело гнездо аиста / В моем родном селе, / И клетот птенцов долговязых / Не раздастся в летней мгле...»⁴⁸ — что сопоставимо со страданиями волчицы, описанными в «Апельсиновых корках». Это вновь свидетельствует об общем мотивном комплексе поэзии Моравской.

Стихотворение «Жалобная песенка» из «Прекрасной Польши» имеет зачин детского стихотворения: «Мальчонку звали Янко, / Котенка звали Ясь. / Вставали спозаранку / И прыгали смеясь. / Мурлыча и смеясь / Играли Ян и Ясь»⁴⁹. Оно и построено как дет-

---

⁴⁶ Моравская М. На пристани: Стихи. Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. С. 75.

⁴⁷ Моравская М. Скорбь воскрешает // Моравская М. Прекрасная Польша: Стихи. Пг.: «Прометей» Н.Н. Михайлова, [1915]. С. 12.

⁴⁸ Моравская М. Сожженные гнезда // Мы помним Польшу: литературно-худож. сб. / под ред. М. Моравской. Пг.: Кн-во «Прометей» Н.Н. Михайлова, [1915]. С. 40.

⁴⁹ Моравская М. Прекрасная Польша. С. 19.

ское: повторы, ритмическая четкость, динамика, созданная множественностью глаголов, наполненность движением и звуками. В подобной стилистике Моравская писала стихи, вошедшие в сборник «Апельсинные корки», например, «Бегемот»: «Писк и лай, / Шум и гам, / Воют мишки по углам; / Шум и гам, / Писк и лай»⁵⁰. Имитации народных припевок встречаются и в других стихотворениях сборника «Апельсинные корки». Но в военных стихах, играющих с детским взглядом на мир, происходит гибель этого счастливого мира детства. Война разрушает идиллию жизни ребенка: «Котенок — одичалый, / А Янко — сирота»⁵¹.

Одни и те же образы могли получать абсолютно разную трактовку в детской и взрослой поэзии Моравской. Ироничный образ говорящего ворона, сетующего на невозможность съесть мертвого цыпленка («Только каркал ворон строгий: / “<...> Я не прочь бы просто скушать / Дохлого цыпленка”»⁵²), сменяется картиной воронов, ищущих падаль: «Над полями вороны каркают, / И некому, некому их отогнать / От милых, от мертвых, от польских глаз!»⁵³ Итак, тема войны уводит поэтессу в воссоздание детства взрослой героини, которая сама становится брошенным ребенком. С другой стороны, война, напротив, выводит автора Моравскую из детской поэзии во взрослую, отчасти сохраняя в ее поэтических высказываниях непосредственность лирического героя-ребенка.

Маска Золушки и взросление лирического субъекта

Следующим элементом восприятия Моравской войны становится постепенное взросление ее лирической героини. Оно выражено через образ Золушки, ставший литературной маской поэтессы и ее альтер эго: «От Золушки-Моравской», — написала она свою книгу Марии Пожаровой, тем самым уравнивая лирическую

---

⁵⁰ Моравская М. Апельсинные корки. С. 45.

⁵¹ Моравская М. Прекрасная Польша. С. 19.

⁵² Моравская М. Похороны цыпленка // Моравская М. Апельсинные корки. С. 27.

⁵³ Моравская М. Скорбь воскрешает // Моравская М. Прекрасная Польша. С. 12.

героиню и автора⁵⁴. Голосом псевдонаивного персонажа («У меня кукольный стиль, / Мне трагичных жестов не простят»⁵⁵) Моравская жаловалась на будничность бытия в сборнике «На пристани». Рассказ от первого лица и ситуация, когда «я» автора тождественно «я» лирического героя (ребенка), сохраняется и в книге Моравской «Золушка думает».

В.Я. Жибуль писала: «Поэтессе неведомо изображение счастливой семьи. <...> старшие члены находятся в противостоянии с маленьким героем и описываются схематически»⁵⁶. В образе Золушки проявлена оппозиция героини окружающим в поэзии Моравской военного времени. Сама идея подобной маски приходит из ее «детской» поэзии, где лирические героини-дети играют, примеряя на себя разные образы: «Я — полковник краснокожих»⁵⁷. Так же лирическая героиня «взрослой» поэзии примеряет на себя маску Золушки: «Ах, станет Золушка печальной, <...> / Ах, станет Золушка снова мною»⁵⁸. При этом биографически эта маска восходит к детству Моравской, когда она вынуждена была жить с мачехой и заботиться о ее детях. Это отражено в нескольких стихотворениях сборника «На пристани». Героиня Моравской, подростком добывавшая лекарство для мачехиной дочери, жалеет себя в прошлом: «Но мне жаль бледного подростка, / Глаз его, ласковых и скромных»⁵⁹. Ностальгией пропитано стихотворение «Окно открыли»: «Припомнилась гимназическая форма / И детские игрушки... / Подходит рано умершая мать... / Не хочется очнуться, / Не хочется, не нужно вспоминать, / Что за окнами революция!»⁶⁰

Но можно ли говорить о взрослой героине в сборнике «Золушка думает»? Золушка — сирота, девочка-подросток, страдающая от нелюбви мачехи. Этот образ становится воплощением перехода из детства в девичество благодаря описанию первой любви. Мотив принуждения к взрослению звучал в сборнике «На пристани»:

---

⁵⁴ Попов В.В. Указ. соч. С. 202.

⁵⁵ Моравская М. На пристани. С. 81.

⁵⁶ Жибуль В.Я. Указ. соч. С. 107.

⁵⁷ Моравская М. Апельсинные корки. С. 28.

⁵⁸ Моравская М. В последний раз // Моравская М. Золушка думает. С. 16.

⁵⁹ Моравская М. Жалость к прошлому // Моравская М. Золушка думает. С. 73.

⁶⁰ Моравская М. На пристани. С. 74.

«Меня заставили быть сильной: / Здесь, в жизни душевной, в жизни пыльной / Меня оставили одну...»⁶¹ Во время войны образ рано повзрослевшего ребенка получает свое дальнейшее развитие в образе Золушки⁶². Война обращает фокус лирической героини Моравской на саму себя: «Имей же хоть немного храбрости, / Научись без томленья жить одной! / Надо же когда-нибудь вырасти <...> / Это я беседую с собою <...> / Я беседую, себя раздвоив, / Чтобы стало хоть немного легче»⁶³.

Моравская прописывает сказку несостоявшейся любви Золушки к принцу. Вообще, ролевой характер стихов — показатель детской поэзии. Но поэтесса очень вольно трактует судьбу своих персонажей. Тем интереснее выход из этой сказки, который происходит через осуждение на смерть двух основных ее персонажей — принца и Золушки: «О, Принц, быть Золушкой больно, / Мне надо жить трезвей... / Умрите, умрите, безвольно / Растайте в сказке моей»⁶⁴. Призывы к принцу умереть — а потом и к Золушке — ведут к разрушению героиней своей же сказки: «Наберусь мужества, наберусь терпенья, — / Может, удастся ее пережить»⁶⁵; «О, как мне грустно, жизнь меня не любит, / И мне пора, пора умирать!»⁶⁶

Другой вариант избавления лирической героини от маски Золушки показан, например, в последнем стихотворении цикла «Золушка и принц» — в перерождении ее в конквистадора, в рыцаря. Происходит как взросление и видоизменение лирической героини, так и отказ от связанного с детством мира сказки, обретение других — не сказочных, не детских — поэтических миров. Звучавшая раньше в «Стихах о войне» попытка примирения с ней в сборнике «Золушка думает» не заслоняет для Моравской осознание трагедии, о чем свидетельствуют строки: «На войне гибну-

---

⁶¹ Моравская М. Меня заставили // Моравская М. Золушка думает. С. 82.

⁶² Отмечу здесь созвучность образа сироты Золушки военному времени: сценарий знаменитой советской экранизации (1947) писался Е. Шварцем в 1945 г. специально под Янину Жеймо, пережившую личные утраты во время войны.

⁶³ Моравская М. В одинокой комнате // Моравская М. Золушка думает. С. 50.

⁶⁴ Моравская М. Я его хоронила не раз // Моравская М. Золушка думает. С. 17.

⁶⁵ Моравская М. Умирай, Золушка, умирай, милая // Моравская М. Золушка думает. С. 18.

⁶⁶ Моравская М. Пора умирать // Моравская М. Золушка думает. С. 12.

щие рати», «Я вся буду скоро разрушена, как село, где военный постой»⁶⁷.

И все же в сборнике «Золушка думает» все еще много детских персонажей и ситуаций, происходящих с детьми. Детское мировосприятие проявляется и в обилии уменьшительных суффиксов, воплощении детского сознания через имитацию детской речи. Имена, которые встречаются в стихах сборника: Саня, Ривочка, Лиля, — Анна Мар не считает изящными⁶⁸, но уменьшительно-ласкательная форма этих имен напоминает об их принадлежности миру детства. В «Золушке...» есть раздел «Мои дети», где стихи о жалости к детям не только повторяют мотивы «Апельсиновых корок», но и построены короткими простыми предложениями: «У Лили разбились игрушки, / И Лили уткнулась в подушку!»⁶⁹ Здесь проявлена точка зрения ребенка: «Большие, не трогайте Лилю». В ребенке могут проступить недетская осознанность и печаль, вновь напоминающие об основном персонаже — вынужденной рано повзрослеть Золушке. Так ведет себя Ривочка, забывшая игрушки: «Словно взрослая женщина, говорила Ривочка горько, / Говорила устало, словно все ей давно опостыло. / И глаза темно-серые, полные скуки и лени, / Устремила уныло на дорожку Летнего сада... / Право, Скорбь мировая тут была, и было отречение: / “Мячика мне не надо!..”»⁷⁰

Детский персонаж связан с военной темой и через мотив сиротства, эксплицитно проявленный в стихах о Польше и имплицитно — в образе Золушки. Одиноким, отвергнутым ребенком — биографическая тема поэзии Моравской, которая акцентировалась в военное время. Собственное сиротство в прошлом сопоставлялось с сиротством современности. Другим маркером сиротства и смерти стало посвящение сборника умершей в 1913 г. поэтессе-футуристке Елене Гуро. Одной из основных поэтических тем Гуро была смерть маленького сына лирической героини, которую долгое время считали темой биографической. Воплощение в стихах Моравской детского сознания также соотносит ее поэзию с твор-

---

⁶⁷ Там же. С. 61.

⁶⁸ *Мар А.* Указ. соч. С. 8.

⁶⁹ *Моравская М.* Золушка думает. С. 81.

⁷⁰ *Моравская М.* Ривочка // *Моравская М.* Золушка думает. С. 82.

чеством Гуро. «Изображение ребенка с расстояния перемежается с полным вживанием рассказчика в специфический горизонт детского героя»⁷¹: Гуро сознательно использовала этот прием⁷². Имитация детской речи и детской перцепции, категория игры, присущая как детской поэзии, так и авангарду, — таковы элементы сходства поэтических манер Моравской и Гуро.

История про Золушку — выдуманная Моравской сказка, на которой основан целый поэтический цикл. В ней показаны как размывание возрастных границ, рефлекслируемое героиней, так и взросление, осознаваемое как смерть души. Расставание с детством чувствуется как потеря: «Я песенки утром пою для детей, / А под вечер для себя. <...> / Ах, петъ бы под солнцем о малых зайчатах. <...> / Не думать бы <...> / о том, что я Золушка, грустная, взрослая»⁷³. Романтическая история о нереализованной любви к принцу дает возможность лирической героине Моравской примерить маску Золушки, оказывающуюся временной. Но лирическая героиня не до конца осознает, насколько слита с этой маской. Возможно ли разъединение, возможны ли жизнь и творчество без этой сказочной маски? Критик Д. Тальников писал о субъективности поэзии Моравской: «Она не умеет еще отвлечь, абстрагировать факты и переживания мира действительности от нежизненных черт, поднять их над уровнем житейского моря, сделать, так сказать, поэтическую “вытяжку” из этих фактов»⁷⁴. Сможет ли героиня полностью избавиться от маски сироты Золушки, так и остается вопросом. И это вновь отсылка к детству — когда ребенок не играет, а вживается в роль.

Анализ поэзии Моравской 1914–1915 гг. показал стилевое и тематическое ее развитие. Война усилила автобиографический потенциал творчества Моравской, позволяя ей поэтически осмыслить темы родины, детства, сиротства. В поисках собственного голоса,

---

⁷¹ Бенчиц Ж. Инфантилизм в произведениях Елены Гуро // *Europa Orientalis*. 1994. № 13 (1). С. 56.

⁷² Бунина С.Н. Поэты маргинального сознания в русской литературе XX века (М. Волошин, Елена Гуро, Е. Кузьмина-Караваева). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2005. С. 206.

⁷³ Моравская М. Вечерние стихи // *Моравская М. Золушка думает*. С. 9.

⁷⁴ Тальников Д. Литературные заметки // *Современный мир*. 1916. № 1. С. 95.

освободившись от влияния символистов, Моравская обращалась к предметности, заимствованной из детской поэзии, и пыталась обнаружить исконное значение слов, тяготея к акмеистической поэтике. Поэзия Моравской менялась под влиянием войны, при этом сохраняя основные довоенные мотивы. Она не стала писать о войне для детей, но сохранила простоту стиля и отчасти детское мировосприятие в стихах для взрослых. Однако оставление ею детской поэзии в пользу «взрослой» свидетельствует о значительном влиянии войны на ее творчество. Субъективизм Моравской позволил ей уйти в своих стихах от официально одобренного прославления войны и не поддерживать ура-патриотизм. В то же время в творчестве Моравской проявились разнонаправленные векторы: из детской поэзии заимствуется радостное мироощущение, происходит размыкание одиночества лирической героини, которая чувствует отныне общность с народом. Но при этом усиливается осознание сиротства, которое из персональной, биографической темы становится актуальной, всеобщей. Наконец, происходит взросление лирической героини посредством обращения к сюжету сказки о Золушке. Девичьим голосом поэтесса обращается ко взрослому читателю.

Однако инфантильность ее лирического персонажа стала предметом критики. Из поэзии Моравская ушла в прозу, потом в журналистику и в 1917 г. навсегда покинула Россию, открыв в эмиграции новые грани своего творчества.

Список литературы

- 1 *Бенчич Ж.* Инфантилизм в произведениях Елены Гуро // *Europa Orientalis*. 1994. № 13 (1). С. 39–61.
- 2 *Булгина С.Н.* Поэты маргинального сознания в русской литературе XX века (М. Волошин, Елена Гуро, Е. Кузьмина-Караваева). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2005. 438 с.
- 3 *Жибуль В.Я.* Координаты поэтического мироздания М. Моравской: странствие, одиночество, детство // *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова*. 2004. № 4 (19). С. 105–111.
- 4 *Обатнин Г.* Три эпизода из предыстории холодной войны // *Обатнин Г.* «Исправленное и дополненное»: ст. о русской литературе. Хельсинки: Ун-т Хельсинки, 2022. С. 120–162. (Серия “*Slavica Helsingiensia*”, Vol. 50)
- 5 *Попов В.В.* Мария Людвиговна Моравская: Попытка портрета // *Русская литература*. 1998. № 3. С. 181–217.

СОДЕРЖАНИЕ

- В.Б. Зусева-Озкан, Е.В. Кузнецова.*
Дар слова — дар понимания 3

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

- Е.А. Андрущенко.*
В.П. Буренин и «новая умственная эпоха». 13
- К.В. Сарычева.*
Русская литература рубежа XIX–XX вв.
в критике «Женского вестника» 1900-х гг. 37
- Т.В. Левицкая.*
Мелодии войны: роль музыки в военных
корреспонденциях Н.А. Лухмановой. 58
- Е.А. Тахо-Годи.*
«Никто не умел так роднить с собою»:
А.П. Чехов в оптике Юлия Айхенвальда 77
- А.А. Холиков.*
Марксисты без ретуши — долг и любовь М.В. Михайловой 92

ЖЕНЩИНА МОДЕРНА: ФИЛОСОФИЯ, ОБРАЗЫ, СУДЬБЫ

- Ю.В. Шевчук.*
«Проблема женской души» в критической прозе
и поэзии И.Ф. Анненского 107
- Е.В. Кузнецова.*
Женщина-призрак: к интерпретации
новеллы А. Федорова «Призрак» 133
- М.В. Каплун.*
Парадоксы феминности в романе
барона Олшеври (Екатерины Хомзе) «Вампиры» (1912) 158
- И.Л. Савкина.*
Женщина на Мавзолее:
история жизни Екатерины Фурцевой 180

**ПИСАТЕЛЬ НА ПЕРЕПУТЬЕ:
ЭВОЛЮЦИЯ ТВОРЧЕСТВА В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН**

О.А. Симонова.

Мария Моравская в Первую мировую войну: от поэзии
для детей к детскому голосу в поэзии для взрослых. 215

М.М. Голубков.

Горький разочарованный: от романтики
революции к пессимизму обыденности 234

А.Ю. Овчаренко.

«Место под солнцем» Веры Инбер:
проза поэта в эпоху строительства социализма 255

М.А. Нестеренко.

«Сердце — сосуд, полный меда»: об одном из прототипов
символиста Шатерникова в романе Л. Копыловой
«Одеяло из лоскутьев». 277

М.Л. Спивак.

«Тартар открылся»: настоящее и будущее
в романе Андрея Белого «Москва» 290

В.В. Полонский.

Историография русской литературы и институциональные
аспекты изучения раннего советского периода. 305

**ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ
И ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЛИЯНИЙ**

В.С. Трофимова.

Книги Аллана Кардека в романе
Веры Крыжановской-Рочестер «Месть еврея» 327

В.Б. Зусева-Озкан.

Идеал мужественности? Джакомо Казанова
у Гуго фон Гофмансталя и Марины Цветаевой 342

В.В. Никульцева, В.И. Щеров.

Образ Александра Блока в поэзии Игоря-Северянина 372

Г.А. Велигорский.

Феномен «археологического воображения» в британской
фантастической литературе конца XIX–XX вв. 392

А.А. Семина.

Диалог И. Бродского с Л. Аронзоном: заметки к теме 414

**ЭГО-ДОКУМЕНТЫ И ЭГО-РОМАНЫ:
АВТОФИКЦИОНАЛЬНЫЕ ЖАНРЫ
В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ**

- А.В. Филатов.*
Роль эго-документов в осмыслении эстетико-философских принципов акмеизма: случай В.Ф. Ходасевича 429
- Н.И. Шрома.*
«Пережила я пережитое»: беллетризация травматического опыта в женской прозе Латвии 1930-х гг. 451
- О.Р. Демидова.*
Дневник как пространство обретения себя 467
- И.Б. Ничипоров.*
Женский мир в автобиографической прозе Татьяны Толстой . . . 478

**ДРАМА, ТЕАТР И ТЕАТРАЛЬНОСТЬ
В КУЛЬТУРЕ XX–XXI ВВ.**

- А.Д. Савина.*
«Свобода» или «Освобождение»? Русские переводы драмы О. Вилье де Лиль-Адана «L'Évasion» 491
- Е.Д. Гальцова.*
«Театральность» между отрицанием театра и жизнетворчеством: символизм, авангард, семиотика. 509
- И.К. Сушилина.*
Паратекст в современной драме и его функции 527

**АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ:
К ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX В.**

- М.В. Козьменко.*
«Жизнь Василия Фивейского»: текстология и поэтика 545
- Е.В. Глухова.*
«А. Белого я разлюбила навсегда»: письма Нины Петровской к Андрею Белому 559
- А.Г. Плотникова.*
Журналист, поэт, драматург А.С. Вознесенский: новые материалы 577
- Е.Р. Матевосян.*
Максим Горький и Михаил Арцыбашев: заочный диалог 608

TABLE OF CONTENTS

Veronika B. Zuseva-Özkan, Ekaterina V. Kuznetsova.
Gift of Speech — Gift of Understanding. 3

CRITICISM AND JOURNALISM AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

Elena A. Andrushchenko.
V.P. Burenin and the “New Intellectual Era”. 13

Kristina V. Sarycheva.
Russian Literature of the Turn of the 19th and 20th Centuries
in the Criticism of “Zhenskii Vestnik” of the 1900s 37

Tatiana V. Levitskaia.
Melodies of War: The Role of Music
in Nadezhda Lukhmanova’s War Correspondence 58

Elena A. Takho-Godi.
“No One Knew How to Become So Close”:
Anton Chekhov in the Optics of Yuli Aikhenval’d 77

Alexey A. Kholikov.
Marxists Without Retouching —
Duty and Love of M.V. Mikhailova 92

MODERN WOMAN: PHILOSOPHY, IMAGES, LIFE JOURNEYS

Yuliya V. Shevchuk.
“The Problem of the Female Soul” in Critical Prose
and Poetry by I.F. Annensky 107

Ekaterina V. Kuznetsova.
The Ghost Woman: Towards an Interpretation
of A. Fedorov’s Short Story “The Ghost”. 133

Marianna V. Kaplun.
Paradoxes of Femininity in Baron Olshevry’s (Ekaterina Homze’s)
Novel “The Vampires” (1912). 158

Irina L. Savkina.
The Woman at the Top of the Mausoleum:
The Life Story of Ekaterina Furtseva 180

**A WRITER AT A CROSSROADS:
THE EVOLUTION OF CREATIVITY IN THE ERA OF CHANGE**

Olga A. Simonova.

Maria Moravskaya in the World War I: From Poetry
for Children to a Childlike Voice in Poetry for Adults. 215

Mikhail M. Golubkov.

Gorky Disappointed: From the Romantic Revolution
to Pessimistic Everyday Life 234

Alexey Yu. Ovcharenko.

Vera Inber's "A Place Under the Sun":
The Poet's Prose in the Era of the Construction of Socialism 255

Mariia A. Nesterenko.

"The Heart Is a Vessel Full of Honey": About One of the Prototypes
of the Symbolist Shaternikov in Lyubov Kopylova's Novel
"The Patchwork Blanket" 277

Monika L. Spivak.

"Tartarus Has Opened": Present and Future
in Andrei Bely's Novel "Moscow" 290

Vadim V. Polonskiy.

Historiography of Russian Literature and Institutional
Aspects of Studying the Early Soviet Period 305

**PROBLEMS OF RECEPTION
AND LITERARY INFLUENCES**

Violetta S. Trofimova.

The Books by Allan Kardec in Vera Kryzhanovskaya-
Rochester's Novel "Revenge of the Jew" 327

Veronika B. Zuseva-Özkan.

Ideal Masculinity? Giacomo Casanova
in Hugo von Hofmannsthal and Marina Tsvetaeva 342

Victoria V. Nikultseva, Vladimir I. Shcherov.

The Image of Aleksandr Blok in the Poetry of Igor-Severyanin. 372

George A. Veligorsky.

The Phenomenon of the "Archeological Imagination"
in British Fantastic Literature of the Late 19th – 20th Centuries 392

Anna A. Semina.

A Dialogue Between J. Brodsky and L. Aronzon:
Notes on the Subject. 414

**EGO-DOCUMENTS AND EGO-NOVELS:
AUTO-FICTIONAL GENRES IN THE LITERARY PROCESS**

Anton V. Filatov.

The Role of Ego-Documents in Understanding the Aesthetic
and Philosophical Principles of Acmeism:

The Case of V. Khodasevich. 429

Natalja Šroma.

“I Have Survived What I Have Lived Through”:
The Fictionalization of Traumatic Experience in Latvian

Women’s Prose of the 1930s. 451

Olga R. Demidova.

Diary as a Self-Acquisition Space 467

Ilya B. Nichiporov.

A Women’s World in Tatyana Tolstaya’s Autobiographical Prose 478

**DRAMA, THEATRE AND THEATRICALITY
IN THE CULTURE OF THE 20TH AND 21ST CENTURIES**

Anfisa D. Savina.

“Freedom” or “Liberation”? Russian Translations
of Villiers de l’Isle-Adam’s Drama “L’Évasion” 491

Elena D. Galtsova.

“Theatricality” Between the Negation of Theater
and the Life Creativity: Symbolism, Avant-Garde, Semiotics 509

Irina K. Sushilina.

Paratext in Modern Drama and Its Functions 527

**ARCHIVAL RESEARCH:
TOWARDS THE HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE
OF THE 20TH CENTURY**

Mikhail V. Kozmenko.

“The Life of Father Vassily Fivevsky”: Textual Criticism and Poetics. . . 545

Elena V. Glukhova.

“I Fell Out of Love with A. Bely Forever”:
Letters from Nina Petrovskaya to Andrei Bely 559

Anastasia G. Plotnikova.

Journalist, Poet, Playwright A.S. Voznesensky: New Materials 577

Elena R. Matevosyan.

Maxim Gorky and Mikhail Artsybashev: A Dialogue *In Absentia* 608

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Not Vain Gift

*On the Anniversary
of Maria Viktorovna Mikhailova*

Edited by

Veronika B. Zuseva-Özkan, Ekaterina V. Kuznetsova

MOSCOW
IWL RAS
2026

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0838-7>

Approved for publication by the Academical Council of
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Executive Editors

Veronika B. Zuseva-Özkan, DSc in Philology, Leading Research Fellow,
Head of the Department of Modern European and American Literatures, IWL RAS
Ekaterina V. Kuznetsova, PhD in Philology, Senior Researcher, IWL RAS

Editorial Board

Vadim V. Polonskiy, DSc in Philology,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director, IWL RAS
Yuliya V. Shevchuk, DSc in Philology, Director of Research,
Deputy Director for Scientific Work, IWL RAS
Elena D. Galtsova, DSc in Philology, Director of Research, IWL RAS
Irina L. Savkina, PhD in Philology, Doctor of Philosophy (PhD),
independent researcher, Turku, Finland

Reviewers

Irina A. Belyaeva, DSc in Philology, Professor, Department of History of Russian Literature,
Lomonosov Moscow State University; Leading Research Fellow, IWL RAS
Dina M. Magomedova, DSc in Philology, Professor, Department of Russian Classical Literature,
Russian State University for the Humanities

Zuseva-Özkan, Veronika B., and Kuznetsova, Ekaterina V., editors

Not Vain Gift: On the Anniversary of Maria Viktorovna Mikhailova. Ex. eds. Veronika
B. Zuseva-Özkan, Ekaterina V. Kuznetsova. Moscow, IWL RAS Publ., 2026. 632 p.
(In Russian)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0838-7>

ISBN 978-5-9208-0838-7

Abstract: This book is a gift from fellow philologists to the outstanding scholar of Russian literature, Maria Viktorovna Mikhailova, for her anniversary. The volume covers the main areas of M.V. Mikhailova's research interests, including the history of literary criticism, the history of theater, women's literature and female images in the modern era, archival research, issues of reception and literary influences, and ego-documentary texts. Some papers reveal new aspects of the biographies and works of certain authors (such as V. Burenin, M. Gorky, V. Inber, M. Tsvetaeva, etc.), while others examine the texts of little-known writers (for example, Ekaterina Khomze, who published her works under the pseudonym "B. Olshevri", or the novelist Vera Kryzhanovskaya-Rochester). A number of articles attempt to describe large-scale literary phenomena associated with both the complex history of 20th-century Russia and those reflecting transnational, pan-cultural phenomena.

This book is addressed to philologists, cultural scholars, and anyone interested in the cultural history of the late 19th and early 20th centuries.

Keywords: literary criticism, women's literature, female characters, archival research, literary reception, ego-documents, theater.

This is an open access book
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NonCommercial 4.0 (CC BY-NC)

ISBN 978-5-9208-0838-7

© Research Team, 2026

© IWL RAS, 2026

Научное издание

Утверждено к печати Ученым Советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук

НЕСЛУЧАЙНЫЙ ДАР:
К юбилею Марии Викторовны Михайловой

Ответственные редакторы
В.Б. Зусева-Озкан, Е.В. Кузнецова

Макет книги и верстка *А.З. Бернштейн*

Подписано в печать 31.12.2025

Формат 60×90/16

Усл.-печ. л. 39,5

Тираж ### экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

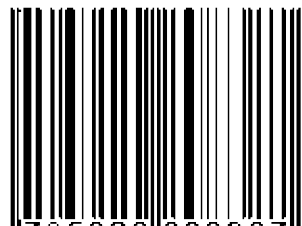
Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук

121069 г. Москва, ул. Поварская, д. 25а, стр. 1

Тел. (495) 690-05-61

ISBN 978-5-9208-0838-7

9 785920 808387 >